

УДК 177

Остапенко Надежда Николаевна

канд. филос. наук, доцент, ФГАОУ ВПО
«Российский государственный профессионально-педагогический университет» (г. Екатеринбург)

Ostapenko Nadezhda Nikolayevna

Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Russian State Vocational Pedagogical University
(Ekaterinburg)

Ситяева Любовь Павловна

Екатеринбургский филиал ОУП ВПО
«Академия труда и социальных отношений»
(г. Екатеринбург)
E-mail: lpalna@list.ru

Sityaeva Lyubov' Pavlovna

Academy of Work and Social Relations
(Ekaterinburg)

**ЭТОС ТРЕТЬЕГО ВОЗРАСТА:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

**ETHOS OF THE THIRD AGE:
PROBLEMS AND PERSPECTIVES**

Аннотация

В статье выявлена специфика этоса третьего возраста и дан сравнительный анализ двух оппозиционных моделей проживания старости; показан существующий образ старости в этических координатах современного российского общества и обоснована необходимость гуманизации старости; формирующийся социальный институт геронтообразования рассматривается как фактор гуманизации этоса третьего возраста в формате позитивной модели.

Ключевые слова: этос третьего возраста; модели проживания старости; гуманизация образа старости; геронтообразование.

Abstract

The specifics of the ethos of the third age are revealed and the comparative analysis of two opposite models of older age accommodation is given in the article. The existing image of an old age in ethical coordinates of modern Russian society is shown and need for humanization of an old age is proved. The forming of social gerontological formation institute is considered as a factor of humanization of the ethos of the third age in a positive model format.

Key words: ethos of the third age; models of accommodation of an old age; humanization of an image of an old age; gerontological formation.

В XX веке актуализировались гуманитарные проблемы третьего возраста, которые стали объектом исследования многих отраслей науки. С середины прошлого века интенсивно развивается как специальный раздел геронтологии – социальная геронтология. Сам термин был введен в научный оборот Э. Стиглицем и получил официальный статус в 1960 году. Предметным полем социальной геронтологии является изучение влияния старости на личность, на изменение ее ценностей и потребностей, поведения и образа жизни; исследование положения пожилых людей в малых группах; анализ людей старшего возраста как определенной демографической общности.

По существующей классификации Европейского регионального бюро ВОЗ дается следующая структура третьего возраста: пожилой возраст (от 55–60 лет до 74 лет), старость (с 75 до 90 лет) и группа долгожителей (старше 90 лет). Принимая формальную международную классификацию, все больше исследователей приходит к умозаключению, что для характеристики возрастных особенностей старшего поколения нельзя ограничиваться только количеством прожитых лет. По мнению ряда ученых, главным объективным критерием внутригрупповой дифференциации служит «социально-экономический порог», а именно: выход на пенсию, изменение источника дохода, социального статуса, ограничение круга социальных ролей и др. [1. С. 136].

По нашему мнению, данный критерий является необходимым, но не исчерпывающим. Старение населения планеты, увеличение численности и продолжительности жизни людей пожилого возраста, изменение места и роли их в обществе – все это требует обоснования нравственных критериев феномена старости. В этом контексте особое эвристическое значение приобретает понятие этоса третьего возраста, которое активно разрабатывается в современных гуманитарных науках. Этос включен в предметную сферу этики, социологии, социальной геронтологии, культурологии, психологии, лингвистики. Использование этого термина заставляет обратиться к этимологии слова «этос» и различным аспектам его интерпретации. Античной философии мы обязаны введением в научный оборот понятия «этос». В переводе с древнегреческого этос означает: обычай, темперамент, привычки, нрав, характер. Следует отметить, что ему присуща многозначность, как и большинству понятий древнегреческой философии.

Современная трактовка этоса также отражает многоаспектность этого феномена. Например, социология морали использует этос для обозначения правил и образцов житейского поведения, «практической мудрости», уклада и стиля жизни какого-либо сообщества людей. Этос как целостная характеристика субкультуры социальной группы воплощается в бытийствовании (творчество, борьба, страдание), в переживании социального пространства и времени (ориентация на прошлое, настоящее или будущее, пространственная аберрация) и в отношении к природе. Культурологический срез изучения этоса, в свою очередь, акцентирует внимание на полилоге систем ценностей и норм поведения. Представляет интерес трактовка этоса в современной «философии диалога» (Левинас и др.), интерпретирующая его как совокупность нравственных императивов, имплицитно присущих интересубъективному пространству.

Итак, исходя из рассмотренных подходов представляется возможным дать следующее определение: на уровне конкретной социально-возрастной группы этос воплощает нравственные основания образа жизни, социально-коммуникативного пространства, а также присущую ей иерархию ценностей. Данная рабочая дефиниция определяет цель настоящей статьи: выявить специфику этоса третьего возраста, показать современные проблемы старости в этических координатах и обозначить, в качестве перспективы, формирование гуманистического образа старости посредством геронтообразования.

Для анализа специфики этоса третьего возраста в качестве методологического основания нами предлагаются две оппозитные модели проживания старости: позитивная и негативная. Первая из них утверждает оптимистические начала и наполнена гуманистическим смыслом, а вторая содержит пессимистические начала и наполнена деструктивным содержанием. Рассмотрим эти модели более подробно.

Сравнительный анализ моделей проживания старости возможен через призму данного выше определения этоса и позволяет выделить три основных аспекта. Первый – отражает нравственные основания образа жизни пожилых людей, фиксирует два противоположных выбора. С одной стороны, это связано с обретением нравственных якорей, экзистенциалов, ведущих к гармонии и умиротворению; с ощущением полноты бытия, позитивным осмыслением прожитых лет; с разумным расходом физических и духовных сил. С другой стороны, выбор образа жизни может быть связан с утратой нравственных оснований, растерянностью в меняющемся социуме, страхом перед новым этапом жизни. Это сопряжено с ощущением дисгармонии, неудавшейся жизни, тщетностью индивидуального бытия; с бессмысленной тратой жизненной энергии и сил, бегством от старости; со стремлением к мнимым целям, удовлетворению квазипотребностей.

Второй аспект связан с нравственными основаниями социально-коммуникативного пространства людей третьего возраста. Позитивная модель воплощает

обретение мудрости, бескорыстное желание помочь и передать свой социальный опыт, профессиональные знания молодым поколениям, стремление к межпоколенческому согласию и терпимости. Модель негативного проживания старости формирует иное коммуникативное пространство, где преобладают возрастной эгоцентризм, конфликтогенность, агрессия, неприятие нового, что порождает межпоколенческое отчуждение.

И наконец, третьим аспектом сравнительного анализа моделей проживания старости является выделение двух противоположных систем ценностей. Первая из них возникает в процессе созидания пожилыми людьми новой иерархии ценностей и ее фундирование общечеловеческой нравственностью. Тем самым личность обретает новый социальный статус, уважение и самоуважение, востребованность и стремится к саморазвитию, самовозрастанию. Вторая система ценностей связана с потерей прежних нравственных ориентиров и деформацией ценностных оснований, следствием чего является духовно-нравственное обнищание, отчуждение, маргинальность и распад личности.

Хочется отметить, что предлагаемые нами модели проживания старости, безусловно, обладают определенной степенью абстрактности. В реальной жизни проживание старости инвариантно и зависит от многих условий и обстоятельств, но, как правило, индивидуальная траектория старости тяготеет к той или другой модели. В нашем исследовании выделение этих моделей носит, главным образом, методологическую нагрузку и позволяет далее обозначить современные проблемы старости в этических координатах.

Проблема старости – это «вечная» проблема человечества. В традиционных культурах люди старшего возраста воспринимались как носители опыта, знаний, мудрости, чем обуславливался их авторитет у молодежи. Поскольку социальные изменения происходили медленно, новая возрастная когорта усваивала накопленные ценности, воспроизводила существующие социальные связи и отношения, заменяя старшее поколение.

Со становлением индустриального общества ускоряется общественный прогресс, и каждое новое поколение качественно изменяет социум, приумножая знания и развивая виды социальной практики. Улучшение условий приводит к увеличению продолжительности жизни и появлению исследовательского интереса к проблеме старости. Среди идей мыслителей, изучавших этот возрастной период, выделяется концепция К. Г. Юнга [2. С. 196]. Он утверждает, что «вечер жизни» человека не может проходить по той же программе и на основе тех же целей, что и «утро жизни». Подготовка к старости во всех культурах, по мнению Юнга, связана с религией, которая одухотворяет вторую половину жизни, способствуя самосовершенствованию и самовозрастанию личности.

Что старость? –

Светлый сад, наполненный плодами,
Доставленный благополучно груз [3].

Вступление человечества в период постиндустриального общества связано с появлением комплексных концепций развития человека, а именно с изучением разных этапов жизни человека, формированием индивидуальной траектории личности, исследованием проблем людей пожилого возраста.

Образ современной старости невозможно осмыслить вне исторического контекста. Родители нынешних пенсионеров жили в социально-политической системе советского общества. Весь уклад их жизни сопровождался стабильными ценностями и социальными гарантиями, задающими правила, нормы, в том числе для пожилого возраста. Современным пенсионерам выпало жить «в эпоху перемен». Они стали участниками и свидетелями перехода от советской системы к постперестроечному периоду, связанному с кардинальной ломкой экономической, поли-

тической, культурно-нравственной сфер социума. Уникальность этой ситуации объективно обусловлена наложением в России двух социальных революций: цивилизационной и информационно-технологической. Революционные изменения, охватившие все сферы и ускорившие темп жизни, изменили место и роль человека в социуме. Особенно ярко это проявилось в сфере морали: нормы советской морали были отброшены, а новые – не сформированы. Образовался нравственный вакуум в отношении общества к старшей возрастной группе, что привело к дезориентации людей пожилого возраста.

Мы вынуждены констатировать сложившуюся этическую коллизию между должным и сущим. В современных российских реалиях мораль (должное), регламентирующая отношение к людям пожилого возраста, еще не сложилась, в то время как нормы советской морали уже утрачены. Бытующие нравы (сущее) лишены гуманистических оснований и часто основываются на эгоизме, цинизме, нравственной вседозволенности. Иными словами, содержание коллизии заключается в том, что должное (мораль) как фундамент сущего (нравов) размыто в актуальном измерении, что приводит к дегуманизации отношений между обществом и людьми третьего возраста. Наиболее ярко проявление этой коллизии просматривается в сфере труда и досуга пожилых людей.

В современном российском обществе старики нередко воспринимаются как люди, чаяния, надежды, ценности которых обращены в прошлое; как доживающие свой век, не способные к изменению себя в новых социальных реалиях. Общественное мнение ассоциирует старость с немощью телесной, социальной, духовной и рассматривает старшую возрастную группу как маргинальную. Это находит отражение в распространенных сегодня проявлениях эйджизма¹. Наиболее очевидна эрозия нравственности в сфере трудовых отношений. Пожилые работники считаются носителями «архаичной» трудовой этики, отрицается ценность их трудового опыта, профессионализма на основании того, что старшее поколение, в частности, слабо владеет ИТ-технологиями. Культивируется индивидуализм и прагматизм как противоположность ценности коллективного труда. Геронтологическая дискриминация в сфере труда создает морально-психологическую атмосферу нетерпимости по отношению к пожилым работникам, которые воспринимаются как субъекты консервативных взглядов и знаний, т. н. «совки», не способные к творчеству, саморазвитию, самореализации. В противовес старости насаждается культ вечной молодости, ассоциируемый с успехом, материальным благополучием и потребительскими ценностями. Все это порождает межпоколенческую напряженность, непонимание и, что особенно опасно, ведет к утрате нравственной преемственности.

Следует отметить, что само по себе вступление в пенсионный возраст для многих – стрессогенный фактор, который еще более усиливается наличием свободного от профессиональной деятельности времени. Вместе с тем творчески используемое свободное время могло бы смягчить переход пожилых людей в новое качество и обеспечить комфортную культурную среду. Реалии российского общества таковы, что тотальная коммерциализация культуры ведет к выдавливанию, игнорированию специфики субкультуры людей третьего возраста. С одной стороны, они, как правило, отчуждены от истинной культуры в силу неплатежеспособности. С другой стороны, под натиском агрессии массмедиа сегмент традиционной культуры постоянно уменьшается, а проявления современной культуры представляются им чуждыми. Все это не способствует их ресоциализации и

---

¹ Эйджизм [англ. ageism < age – возраст] – возрастная дискриминация в общественно-политической жизни, мотивированная предположением, что молодые еще не способны к пониманию серьезных проблем, а пожилые – уже не способны, бессильны и немощны // Захаренко Е. Н., Комарова Л. Н., Нечаева И. В. Новый словарь иностранных слов. – 3-е изд., испр. и доп. – М., 2008. – С. 990.

интеграции в субкультуру третьего возраста. Выход на пенсию, по сути, ограничивает культурные возможности пожилых людей, тем самым порождая чувство отчуждения, одиночества, тревоги, ускоряя процесс разрушения личности. Своеобразным проявлением деформации порой выступает попытка людей старшего возраста доказать свои адаптивные способности к изменяющимся реалиям в квазиформах, задаваемых культом «вечной молодости». Это выражается в использовании молодежного стиля одежды, молодежного сленга, маскировки телесного увядания посредством косметики, пластических операций и др.

Итак, образ старости в этических координатах современного российского общества свидетельствует о дегуманизации отношения социума к феномену старости и людям третьего возраста. В общественном мнении возникло нравственное противоречие: с одной стороны, пожилого человека выталкивают «на обочину жизни», считая его не способным к полноценной трудовой и социальной активности; с другой стороны, его обрекают на самостоятельное решение всех возникающих проблем и трудностей. Под влиянием новых социально-политических реалий произошло размывание нравственных устоев, и традиционные ценности сменились этикой с доминированием индивидуализма, прагматизма, цинизма. Особую тревогу вызывает геронтофобия и эйджизм, которые самым негативным образом сказываются на нравственно-психологическом состоянии пожилых людей и, в итоге, на нравственном здоровье общества. Непонимание со стороны молодых коллег, межпоколенческое отчуждение в семье, сужение круга общения («иных уж нет, а те далече»), отсутствие полноценной организации досуга ведет к переживанию чувств собственного одиночества, ненужности, неполноценности.

Негативный образ старости в общественном сознании может быть изменен при системном государственном подходе к решению проблем людей старшего поколения. Главное внимание, наряду с улучшением экономического положения стариков, должно быть сосредоточено и на нравственно-гуманистическом аспекте проблем подготовки к выходу на пенсию, ресоциализации, рекультурации. Другими словами, речь идет о позиции государства и гражданского общества по формированию отношения к старости как продолжительному и самоценному периоду жизни, ориентированному на саморазвитие пожилых людей. На практике это будет означать отказ общественного мнения от геронтофобии и утверждение как традиционного уважения и почитания старости, так и новой, гуманистической морали.

Решение проблем третьего возраста представляется возможным посредством геронтообразования, которое выступает наиболее универсальным, эффективным, индивидуально ориентированным фактором гуманизации старости. Благодаря геронтообразованию возможна практическая реализация модели позитивного проживания старости, связанная с сохранением как физической, так и интеллектуальной активности. Если в общественном сознании и практике поддержание физической формы людьми пожилого возраста стало аксиомой, то развитие интеллектуального потенциала осознается далеко не всеми. В контексте образа жизни геронтообразование – это активная деятельность, сопряженная с радостью познания, раздвигающая горизонты бытия, позволяющая уйти от суетности и будничности, привносящая творческое начало в жизнь пожилых людей. Благодаря образованию пожилой человек обретает способность к осмыслению своей жизненной миссии, находит ответы на «вечные» вопросы, ранее заслоняемые повседневностью. Геронтообразование позволяет найти новый логико-смысловой порядок образа жизни в старости, побуждает к саморефлексии. Не случайно именно в пожилом возрасте особый интерес вызывает философское, эстетическое, историческое, религиозное познание, художественное и техническое творчество. В итоге происходит слияние накопленного жизненного опыта с обретением новых знаний,

в результате чего появляется зрелость, мудрость, пронизанная человечностью. Исторические примеры свидетельствуют, что активная интеллектуальная деятельность продлевает жизнь: Демокрит прожил 109 лет, Гиппократ – 94 года, Платон достиг 81 года, причем умер за писанием очередного трактата, несмотря на то что в древности средняя продолжительность жизни составляла чуть более 30 лет.

Коммуникативный аспект этоса третьего возраста вскрывает явную связь образования с общением, количественно и качественно преобразуя его. В реальной жизни пожилой человек, как правило, сталкивается с проблемой дефицита общения и обеднением его содержания на фоне большого количества появившегося свободного времени. Ключ к решению этой проблемы мы усматриваем в приобщении к образованию. «Роскошь человеческого общения», новые связи, появление друзей по интересам, причастность к сообществу пожилой человек обретает в образовательном пространстве. Как следствие этого, гуманизируется коммуникативная сфера: преодолевается одиночество, повышается самооценка, формируется оптимистическое мировосприятие, утверждается субъектность личности.

Через призму системы ценностей этоса третьего возраста геронтообразование, с одной стороны, позволяет создать новую иерархию ценностей, где на первое место выходит креативное начало, направленное на саморазвитие личности. С другой стороны, в системе ценностей пожилого человека образование само становится ценным. Приобщение к знаниям дает своеобразный иммунитет от интеллектуальной атрофии, негативных изменений личности, преждевременного старения.

Во второй половине XX века мировое сообщество обратилось к проблемам образования взрослых, в том числе – людей пенсионного возраста. Под эгидой ЮНЕСКО было проведено пять международных конференций по образованию взрослых (в Элсиноре в 1949 году, в Монреале в 1960-м, в Токио в 1972-м, в Париже в 1985-м и в Гамбурге в 1997 году). На V Международной конференции «Образование взрослых – ключ в XXI век» (Гамбург, 1997) было подчеркнута, что право на образование, как одно из основных прав человека, не может быть ограничено по признаку возраста [4].

Европейской системой геронтообразования, которая успешно развивается с 70-х годов прошлого века, накоплен богатый опыт. В современной России геронтообразование начало свое институциональное становление значительно позже, чем в западных странах. Сегодня менее 1 % пожилых людей нашей страны включены в образовательный процесс (для сравнения: в Германии эта доля составляет 36 %) [5]. Несмотря на явное отставание, вызывает оптимизм тот факт, что гуманистический образ старости – креативный, компетентный, деятельный – все более утверждается в российском обществе. Убедительным примером этого является Комплексная программа Свердловской области «Старшее поколение» на 2014–2018 годы, утвержденная Постановлением Правительства Свердловской области от 12.03.2014 № 167-ПП [6]. Актуальность комплексной программы обусловлена тем, что численность людей пенсионного возраста в Свердловской области на 1 января 2014 года составила 24,2 % от общей численности населения, что на 1,1 % больше общероссийских показателей [7].

В рамках программы открыты компьютерные классы и создана система «Школ пожилого возраста», направленная на продление активного долголетия. Содержательно система ориентирована на разные интересы и предоставляет широкие возможности выбора образовательных программ. Наблюдается тенденция возрастания численности пенсионеров, занимающихся в школах пожилого возраста. Если в 2012 году в них прошли обучение 15,4 %, то в 2013 – 22,4 %, а в 2014 – 25,8 % от общего числа людей третьего возраста [7. С. 66].

Нередко физическое состояние пожилых людей препятствует удовлетворению информационно-коммуникативных потребностей. Это ведет к эмоциональному

оскудению, чувству «заточённости» в четырех стенах, догматизму и неприятию нового, утрате многокрасочности бытия. Владение компьютером иницирует творческое начало пожилого человека. Например, мультимедийные программы развивают художественные способности, совершенствуют эстетическое восприятие мира. Интернет обеспечивает информационную насыщенность жизни и позволяет высказать публично свое мнение, оценку, проявить терпимость к суждениям других. Объединение в информационном пространстве по интересам, предъявление результатов своего творчества широкому кругу людей, выход на новый уровень общения без границ – все это уникальные возможности гуманизации старости для пожилых людей, владеющих IT-технологиями.

Таким образом, подводя итоги, можно утверждать: этосу третьего возраста присуща своя специфика; проблема дегуманизации образа старости в обыденном сознании и повседневной практике является отражением нравственного нездоровья российского общества; перспективы гуманизации старости непосредственно связаны с развитием системы геронтообразования.

В заключение хотелось бы отметить: авторы далеки от мысли, что проблемы этоса третьего возраста освещены исчерпывающе. Имплицитной сверхзадачей настоящей статьи является попытка осмыслить в актуальном формате «вечные проблемы» старости и иницировать изменение отношения со стороны общества к феномену старости, а также пожилых людей к самим себе и к «закату жизни». «Никогда я не знал, что так радостно быть стариком...» – восклицал К. И. Чуковский, находя созвучие со стихами переводимого им американского поэта Уолта Уитмена (1819–1892), вдохновенно воспевавшего старость:

Счастье – это не только разделенная любовь,
Не только почет, богатство, успехи в политике и войне;
Но когда жизнь медленно вянет ...
И осенние дни светятся мягким сиянием...
Тогда приходят самые счастливые, самые умиротворенные дни,
Благостные дни в мирном раздумье.

[8. С. 324]

Литература

1. Александрова М. Д. Проблемы социально-психологической геронтологии. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1974.
2. Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени. – М. : Прогресс, 1994.
3. Солодовников А. А. Стихотворения : сборник избранных стихотворений. – Кругъ, 2005.
4. Официальный сайт ООН. – URL: <http://www.un.org/ru/index.html>
5. Зыскина М. А. Геронтообразование как фактор самореализации лиц пожилого возраста // Педагогическое образование в России. – 2013. – № 2. – С. 38.
6. Об утверждении Комплексной программы Свердловской области «Старшее поколение» на 2014–2018 годы : Постановление Правительства Свердловской области № 167-ПП от 12.03.2014 // Областная газета. – 2014. – 21 марта. – № 50 (7373). – С. 5–6. – URL: <http://www.oblgazeta.ru>
7. Мониторинг социально-экономического положения граждан пожилого возраста Свердловской области / Министерство социальной политики Свердловской области; ГКУ СОИ СО «Организационно-методический центр социальной помощи». – Екатеринбург, 2014.
8. Чуковский К. И. Дни моей жизни. – М. : Бослен, 2009.